

Мюнстер Е.Г. ПРОБЛЕМЫ ПОЭЗИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕРМАНА ГЕССЕ

Ключом к исследованию творчества любого писателя или поэта являются не только его художественные произведения, но и публицистика, высказывания о своем собственном творчестве, о требованиях к творческому процессу. Наиболее достоверным является этот факт для такого универсального и загадочного писателя нашего времени, как Герман Гессе. На страницах своих произведений он пишет о поэзии вообще, об истоках собственной поэзии, о личности поэта и о требованиях к форме и содержанию.

Сам он решил стать поэтом в 13 лет: "...я стану поэтом, либо вообще никем" [5, с.37]. Но ему пришлось рано убедиться, что одного желанья мало, что оно многим кажется смешным и даже постыдным, и что на поэта нигде не учат, а учителя "затем и были поставлены, чтобы не дать вырасти ни одному яркому, свободному человеку, не дать состояться ни одному великому деянию" [5, с.38].

Осознав это, Гессе начинает заниматься самообразованием – читает шедевры мировой литературы, занимается историей искусства, языками и философией и исписывает "кучу бумаги своими первыми литературными опытами" [5, с.39]. Он предпринимает столько усилий, приносит столько жертв и, наконец, достигает своей цели. Ему это дается нелегко, но все же любого поэта он считает "баловнем судьбы", потому что он "наделен даром, который нельзя заменить ни усердием, ни постоянным трудом, ни добрым нравом" [5, с.184-185]. По мнению Гессе, даже в халтурной поэзии можно обнаружить душу автора, и даже самый слабый поэт "всегда будет прикасаться к тому Единому, о чем он даже не думает, всегда выдаст собственное я в своей ремесленной поделке" [5, с.190].

Гессе понимает, что одного поэтического дарования мало, и что поэтическому творчеству можно и нужно учиться. Учиться у великих поэтов, у природы и музыки. Гессе учится у Эйхендорфа и Гейне, Жан Поля и Новалиса, Гельдерлина и Гете. И именно стихотворение одного из этих романтиков – "Ночь" Гельдерлина - побудило маленького Гессе стать поэтом. Он был очарован строками этого стихотворения, испытал "первое удивление детской души перед искусством" [7, с.136].

Гессе подражает романтикам особенно в первый период своего творчества. Но при этом он все же четко осознает, что недостаточно только "на основе прочитанного создавать некую общую чарующую атмосферу романтического", необходимо "на почве такого романтизма воспитать в себе поэтическую ответственность при максимальной строгости к слову и крайней сдержанности в опоре на образцы" [3, с.223].

Гессе очень серьезно относился к форме своих поэтических произведений, отмечая при этом, что поэт не свободен ни в выборе сюжета, ни формы, ни размера. Все диктует сюжет. [5, с.124-125]. Стихи, по мнению Гессе, это "разрядка, зов, крик, вздох, жест, реакция взволнованной души, стремящейся выплеснуть или осознать возбуждение, эмоцию" [2, с.71]. Такое стихотворение может радовать и волновать, может быть красивым и выражать нечто "возможное у всех" и поэтому привлекать к себе читателей. В то же время Гессе считал, что красивые стихи предназначены только для читателя, что они "созданы для других" и являются "конфетами для публики" [2, с.71]. Он писал о таких стихах: "В них не нужно погружаться серьезно и любовно, они не мучат и не потрясают, а весело, уютно качают на своих красивых и мерных волнах" [2, с.72]. Чтение таких стихов может быстро надоест, ими легко пресытиться, даже "святыми классиками", и может потянуть на чтение плохих стихов. Но их лучше сочинять самому, и это делает человека "намного счастливее, чем чтение самых распрекрасных стихотворений" [2, с.72].

Гессе учит, что писать стихи, "полагаясь на чувство", невозможно. Потому что необходимы "форма, язык, стих, выбор слов", и что все это "совершается не чувством, а рассудком" [3, с.223]. Он отмечает, что "небольшие поэты нередко пользуются формами бессознательно", что они "подражают чужим формам стиха, опираясь на память, они не ведают, что творят..." [3, с.223]. Настоящие мастера работают "с величайшим выбором" и с "величайшей сосредоточенностью, нередко подвергая скупуплезнейшему анализу традиционные законы и формы" [3, с.223].

Вопрос о предмете поэзии волновал Гессе не менее, чем форма: "...чем вернее мы подразделяем материал, чем тоньше чувствуем и понимаем богатство соотношений в прочтенном, тем яснее мы видим неповторимость, индивидуальность и точную обусловленность каждой мысли, каждого стиха" [5, с.184]. В то же время Гессе отмечает, что "в истинной поэзии не существует вообще никакого отбора материала" [5, с.190]. То есть, поэт никогда не выбирает основные образы и наиболее характерные проблемы поэзии. Потому что это "поистине первичная субстанция всей поэзии, способ видения поэта, движение его души" [5, с.191]. "Подлинное не может быть измышлено, оно должно быть возвращено в душу", - считал Гессе. [5, с.190]. Он писал: "В начале был миф. Господь Бог, сотворивший некогда скрижали поэзии из душ индийцев, греков, германцев, дабы явить миру великую сущность свою, и поныне населяет каждую ребячью душу поэзией" [4, 10, с.98].

Истоки поэзии, по мнению Гессе, заключены в самом поэте, в каждом читателе его поэзии. И истинная красота и прелесть, которые "тщетно было бы искать в действительных вещах", живут в сновидениях поэтов. [5, с.440]. "Разве не чудо, - писал Гессе, - что можно увидеть во сне подобное и носить в себе целый мир, сотканный из мельчайшего волшебного вещества, разве не чудо, что в глубине нашей души, где мы так часто и с таким отчаянием, словно в грудe развалин, напрасно старались отыскать хоть какие-то остатки веры, радости, жизни, что в глубине нашей души могут еще расцветать такие цветы" [8, с.383]. Об этом же пишет Гессе и в своем стихотворении "Мир – наш сон" [9, с.67]:

Ночью страшные виденья

И волшебных замков чудо,
Города и люди снятся,
Знаешь ты, они откуда? –
Их творят души глубины,
Все они – твои творенья,
Все они – твои картины,
Сновиденья. (Пер. наш)

Гессе был по особому близок к миру сновидений и часто размышлял о “художественной стороне искусства сновидений” [6, с.177]. Он любил заниматься сюрреалистической поэзией и не скрывал этого. Создание таких стихотворений доставляло ему особое наслаждение и требовало мало усилий. Но определенный характер художественной морали и ответственности, к которому Гессе пришел с годами, не позволяли ему “переносить этот прием из области частного и безответственного в серьезно задуманные вещи” [6, с.177].

Задачей истинного поэта, по словам Гессе, является воссоздание мира “в зеркале стихов столь совершенно, что в этих отражениях сам мир, очищенный и увековеченный, станет его достоянием” [5, с.437]. И лишь тогда, когда эта задача выполняется, поэт сможет испытать подлинное счастье и глубокое удовлетворение.

Каждый поэт стремится к этому и каждый ищет любви и понимания, ищет известности. И в этом ему могут помочь истинные критики, благодаря которым поэт может “прояснить и уточнить, что на деле составляет он сам и его работа в тонком равновесии жизни нации и культуры, каково соотношение его дарования и достижений” [5 с.186].

Гессе писал, что при чтении стихотворений какого-либо поэта мы знакомимся “не только с неким кругом лиц и обстоятельств, а прежде всего с самим поэтом, с его образом жизни и видением, темпераментом, внутренним обликом, почерком, наконец, его художественными средствами, ритмом мышления и языка” [2, с.34].

Одним из мерил дарования поэта Гессе считал точность и качество языка и лучшим критиком своих собственных поэтических творений являлся он сам. В сборнике “Путь сновидений” мы находим строки, которые с полным правом можем отнести и к самому Гессе: “Наш герой писал разные приятные вещицы, рассказы, даже романы, сочинял иногда и стихи, и при этом, как только мог, старался писать хорошо” [8, с.371]. Старался писать хорошо и “имел неосторожность самонадеянно сравнивать свое творчество не с другими развлекательными произведениями, написанными его современниками, а подходил к нему с иным мериллом, равнялся на писателей прошлого...” [8, с.371]. При этом герой Гессе не обольщался, а с горечью признавал, что “даже самая удачная, самая прекрасная страница из всего написанного им значительно уступает самой неприметной фразе или стихотворной строке истинного поэта” [8, с.372]. Положение казалось герою трагическим, а тайные притязания на истинно поэтическое искусство нелепыми, потому что “нет, и не может, быть ничего истинно поэтического в нынешней действительности...” [8, с.373].

По мнению Гессе, “субстанция, делающая поэта поэтом, проявляется нынче только в чрезвычайно разбавленном виде, так что различие между поэтом и литератором уже не может быть уловлено” [5, с.46]. И в то же время, как и его герой, он не исключал возможности, что “некоторые из его собственных писательских опытов, возможно, будут казаться истинной поэзией читателям грядущих лет, что литераторы грядущего возможно с тоской будут поминать его творчество и его век как золотой век, когда были еще настоящие поэты, были настоящие чувства, настоящие люди, настоящая природа и настоящая духовность” [8, с.374].

Деградация духовности беспокоила Гессе больше всего. И одним из признаков деградации он считал исчезновение поэзии, исчезновение поэтов. И, как следствие, гибель искусного, превосходно отточенного языка. В своем произведении “Трагедия” он пишет: “Затем, собственно говоря совершенно неожиданно, все поняли вдруг, что с этой поэзией что-то не совсем порядке, что без нее можно обойтись, что она в общем-то не умна” (8, с.338-339). Все осознали, что “время искусства прошло”, что “искусство и поэзия в их мире умерли”. Осознали, но не почувствовали потери, и это было самым страшным для тех одиночек, для которых эта потеря стала трагедией. Так, бывший поэт и нынешний наборщик Иоганнес констатирует: “...настало время, когда все наше поколение отвернулось от поэзии, когда все мы словно в осеннем ознобе почувствовали: теперь все двери храмов закрылись, теперь настал вечер, и священные леса поэзии помрачнели, и ни один из живущих сейчас не найдет заветной тропинки под божественную сень. Сделалось тихо и тихо затерялись мы, поэты, на отрезвевшей земле, которую навеки покинул великий Пан” [8, с.390].

Земля отрезвела, все стали жить рассудочно. Наборщик Иоганнес перестал писать стихи, которые раньше многие считали истинной поэзией, но продолжал служить слову, был “служителем храма языка” и получал от этого истинное наслаждение: “О какую радость я при этом испытывал! Какое удивительно прекрасное чувство охватывало меня, когда (...) после нескольких магических штрихов и поправок вновь проступал чистый, неоскверненный лик нашего прекрасного языка!” [8, с.392].

Служителем храма языка был и сам Гессе. Прозрачностью и точностью его слога восхищались и восхищаются многие литературоведы и поклонники его творчества. Но за красотой слога всегда стояла напряженная творческая работа, которая бывает под силу не каждому. Гессе писал: “Быть поэтом – идеал многих способных молодых людей, подразумевающих под поэтом человека, сохранившего оригинальность, чистоту сердца, восприимчивость, тонкость чувства и яркую эмоциональность. Но этими добродет-

телями может обладать кто угодно, не становясь поэтом, и лучше обладать ими, чем вместо них – всего лишь сомнительным литературным дарованием” [2, с.39].

Гессе считал, что человека делают поэтом “отзывчивость души, способность влюбляться, способность любить и пылать, увлекаться, испытывать небывалые и необыкновенные чувства” [7, с.131]. И именно этим качествами пренебрегает, по мнению Гессе, нынешнее время и многие молодые поэты, которые стыдятся своей “сентиментальности”. Но для самого Гессе его чувства “в тысячу раз милее, чем все удальство мира”, и именно они уберегли его в годы войны от того, чтобы “разделить сентиментальность удалых и восторгаться стрельбой” [7, с.131].

Гессе считал, что привычка “просиять сознанием и в сжатой форме излагать пережитое” помогает человеку развиваться и стать настоящим человеком” [2, с.39]. Но сочинительство может и вредить, если человек стремится поскорее выплеснуть пережитое, “отделаться от него, вместо того, чтобы насладиться им в просветленном виде” [2, с.39].

И все же молодые люди должны писать, утверждал Гессе. Писать, пока у них “есть чувство, что поэтические опыты их развивают, помогают разобраться в себе и в окружающем мире, усилить интенсивность своих переживаний, обострить свою совесть” [2, с.40].

Но полезно не только писание своих стихов, но и чтение истинной поэзии: “Из всех литературных наслаждений чтение стихов самое высокое и чистое ” [2, с.42]. Гессе любил перечитывать уже знакомые прекрасные стихотворения, вновь и вновь наслаждаясь их целостностью и совершенством. Он писал, что “у некоторых народов, прежде всего восточноазиатских, склонность к этому благородному наслаждению выражена предельно и доходит порой до религии или, в зависимости от эпохи и места, - до виртуозности” [2, с.42]. Гессе наслаждался “чарами японской лирики”, прежде всего ее стремлением к внешней простоте и краткости. По мнению Гессе, от японской поэзии “невозможно сразу же перейти к чтению современной немецкой лирики” потому что стихи “кажутся непомерно раздутыми и жеманными” [2, с.147].

Гессе с сожалением отмечал, что в Европе, особенно в Германии склонность к перечитыванию поэзии “при нынешней мешанине всех духовных культур (...) претерпела сильный ущерб” [2, с.42]. Гессе боялся, что замечательные сокровища давней немецкой поэзии сгинут и окажутся “чуждыми” современному поколению. Он не верил в ценность немецкой литературы своего времени и считал, что она “дело непрочное, безнадежное, посеяв на скудной, неухоженной почве”, что она “вряд ли способна дать что-то зрелое, полноценное, долговечное” [7, с.139]. И попытки современных ему немецких писателей, да и свои собственные, создать “настоящие полотна, подлинные произведения” всегда казались ему несостоятельными [7, с.139]. При этом он отмечал ценность проблематичной поэзии, которая “исповедально, с максимальной откровенностью говорит о своих собственных бедах и бедах своего времени” [7, с.139]. Гессе писал: “Я знаю, что ценность того, что пишем мы, нынешние, не в том, что из этого может сегодня и надолго возникнуть какая-то форма, какой-то стиль, какая-то классика. А в том, что в наших бедах у нас нет другого прибежища, кроме предельной откровенности” [7, с.139]. И именно между этим требованием откровенности и требованием прекрасной формы, по мнению Гессе, “отчаянно шарахается туда и сюда” вся поэзия его поколения: “Ведь даже если мы готовы к последней искренности до полной самоотдачи – где найти нам для нее форму? Наш книжный язык, наш школьный язык ее не дает, наш почерк отчеканен давно” [7, с.139].

Сам Гессе в стихах, да и в прозаических произведениях, был предельно откровенен. Он писал о своей поэзии: “Моя поэзия, исповедь стареющего поэта, (...) попытка представить непредставимое и напомнить о невыразимом в слове” [3, с.200]. Общий смысл всех своих поэтических работ он видел в защите личности, индивида, иной раз его стихи казались ему “воплем о помощи”, потому что всякий человек “в своей отдельности и уникальности, с его наследством и его возможностями – вещь хрупкая, ломкая...” [3, с.200].

Еще более хрупок и ломок сам поэт. О чувствах поэта, о его предназначении Гессе пишет в сказке “Поэт”: “Он почувствовал, что ни на одном празднике на свете, даже самом веселом, ему никогда не будет хорошо и легко на сердце, что в гуще жизни он останется одиночкой и в большей мере – зрителем и чужаком, он почувствовал, что среди многих душ только его душа устроена так, что не может не ощущать вместе и красоту земли, и тайную тягу прочь, свойственную чужаку” [1, с.437-438].

Эти строки можно и отнести и к самому Гессе, которого называли “монтаньольским отшельником”. Он также был чужим на “празднике жизни”, но не равнодушным созерцателем, а человеком, которого заботит будущее человечества, его духовность. В его поэтических строках молодые поэты находили “что-то похожее на опыт и работу ума, на учение и стариковскую мудрость”. Они находили в них “мудрые мысли”, которые Гессе, по его словам, иногда “брал в кавычки, подвергал сомнению, даже опрокидывал и отменял, но в целом (...) всю свою жизнь больше утверждал, чем отрицал, больше соглашался или помалкивал, чем боролся и достаточно часто оказывал почтение традициям духа, веры, языка и обычая” [5, с.301].

Гессе считал себя поэтом, и в людской памяти он хотел остаться также поэтом. В одном из писем к своему издателю, Самуэлю Фишеру, он пишет: “...мне хотелось бы, в случае, если я сам не займусь этим, чтобы в память обо мне не предпринимались собрания сочинений и прочие необязательные вещи, но чтобы вместо них была издана небольшая, красивая и недорогая подборка моих стихотворений” [5, с.122].

И его стихотворения издаются и переводятся на другие языки мира, потому что Гессе продолжает оставаться хранителем и продолжателем лучших традиций неоромантизма, а такие его требования к истинной поэзии, как отточенность формы и языка, вдумчивый выбор слов и предельная искренность не теряют своей актуальности и в наши дни.

Источники и литература:

1. Гессе Герман. Избранное. Сборник. Пер.с нем. / сост.Н.Павлова. – М.: Радуга, 1991 г. –539 с.
2. Гессе Герман. Магия книги. М.: Книга, 1990 г. – 236 с.
3. Гессе Герман. Начало всякого искусства есть любовь. [Подборка высказываний о литературе] // Вопросы литературы. – 1978. № 9, с.194-226
4. Гессе Герман. Петер Каменцинд // Нева. – 1995 г., № 10-11, с.98-139, с.92-128
5. Гессе Герман. Письма по кругу. М.: Прогресс, 1987 г. – 400 с.
6. Гессе Герман. Письма к друзьям. // Литературная учеба. – 1990 г. Кн.3, с.177-189
7. Гессе Герман. Путешествие в Нюрнберг. // Знамя. – 1994. № 5, с.123-151
8. Гессе Герман . Собрание сочинений в 4-х томах. Том 3. Повести, сказки, легенды, притчи. Пер.с нем. – СПб.: Северо-Запад, 1994 г. – 510 с.
9. Hesse Hermann. Gesammelte Werke. Erster Band. Stufen. Die späten Gedichte. Frühe Prosa. Peter Kamenzind. Suhrkamp, Frankfurt am Main, 1987. – 504 S.